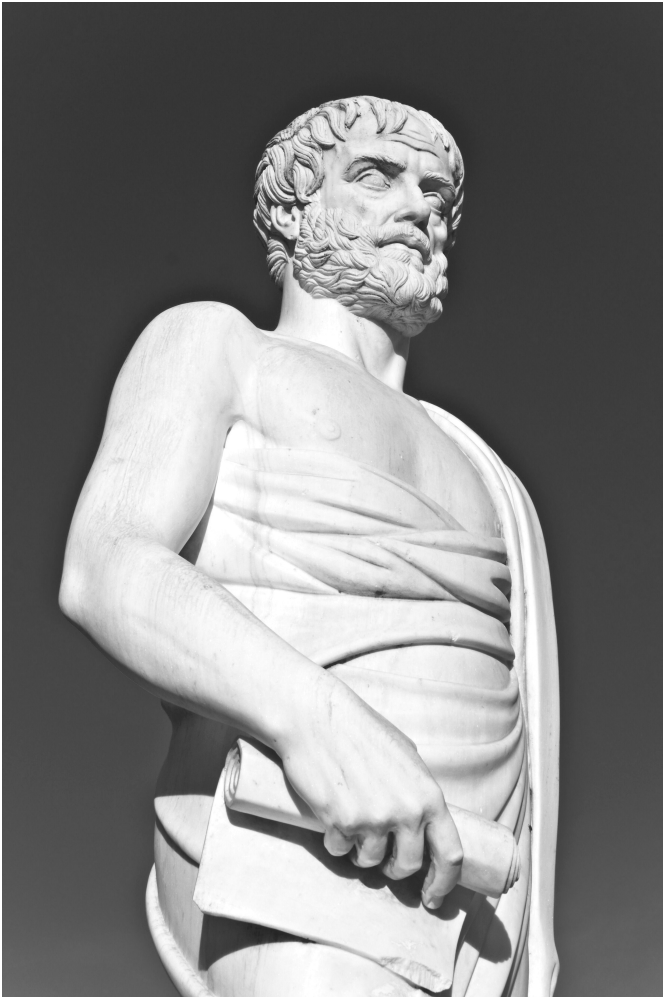

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
ИМЕНИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Серия «Русский Путь: pro et contra»
основана в 1993 году

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
ИМЕНИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

АРИСТОТЕЛЬ: PRO ET CONTRA

Антология

Т. 2

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского
Санкт-Петербург
2025

Серия «РУССКИЙ ПУТЬ»

Серия основана в 1993 г.

Редакционная коллегия серии:

*Д. К. Богатырёв (председатель), В. Е. Багно,
С. А. Гончаров, А. А. Грякалов, В. А. Гуторов,
А. А. Ермичёв, И. А. Есаулов, В. Н. Захаров,
К. Г. Исупов (ученый секретарь), А. А. Корольков,
М. А. Маслин, Р. В. Светлов, И. Н. Сухих,
В. Ф. Фёдоров, С. С. Хоружий*

Ответственный редактор серии

Д. К. Богатырёв

Составители:

*Е. В. Алымова, С. В. Караваева,
С. П. Выскубов, А. Д. Махнов*

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 24-28-01107 <https://rscf.ru/project/24-28-01107/>;
Русская христианская гуманитарная академия
им. Ф. М. Достоевского*

- А 81** **Аристотель: pro et contra, антология. Т. 2 / Сост. Е. В. Алымовой, С. В. Караваевой, С. П. Выскубова, А. Д. Махнова; вступ. статья Е. В. Алымовой, С. В. Караваевой; подготовка текстов, комментарии Е. В. Алымовой, С. В. Караваевой, С. П. Выскубова, А. Д. Махнова. — СПб. : РХГА, 2025. — 720 с. — (Русский Путь).**

ISBN 978-5-907987-78-4

Настоящее издание является продолжением проекта «Аристотель в России: проблемы рецепции и интерпретации», цель которого — представить формы бытования аристотелевской философии в отечественной культуре. Второй том включает в себя тексты и комментарии к ним, затрагивающие проблемы рецепции аристотелевской философии в контексте отечественного образования, историю переводов ключевых сочинений Стагирита, а также знаменитую полемику — Аристотель против Платона. Учтены достижения современных отечественных исследователей аристотелевской философии. Издание подобного рода является уникальным в истории отечественного аристотелеведения.

Книга адресована всем интересующимся историей философии, философией Аристотеля в контексте отечественной культуры, а также широкому кругу читателей.

ББК 87.3

- © Алымова Е. В., составление, вступ. статья, комментарии, 2025
- © Караваева С. В., составление, вступ. статья, комментарии, 2025
- © Выскубов С. П., составление, подготовка текстов, комментарии, 2025
- © Махнов А. Д., составление, подготовка текстов, комментарии, 2025
- © АНО ВО «РХГА», 2025
- © «Русский Путь», название серии, 1993

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Вы держите в руках второй том антологии «Аристотель: pro et contra». Настоящий том представляет формы бытования аристотелевской философии в российской культуре.

Русская христианская гуманитарная академия отметила 35-летие своей научно-педагогической и просветительской деятельности. Юбилей отметила и являющаяся важным достижением РХГА книжная серия «Русский Путь», число томов которой перешагнуло две сотни изданий.

«Русский Путь» открылся в 1994 году. Плодом исследовательской и издательской работы стали своего рода «малые энциклопедии» об отечественных философах, писателях, деятелях науки, искусства и церкви. Целый ряд книг представляет российскую рефлексию идейного наследия зарубежных мыслителей.

«Русский Путь» изначально задумывался как серия книг не только о мыслителях, но и о демиургах отечественной культуры и истории. Увидели свет антологии о творцах российской политической истории и государственности.

Важным этапом развития «Русского Пути» является переход от персоналий к реалиям. Последние могут быть выражены различными терминами — универсалии культуры, мифологемы, формы общественного сознания, категории духовного опыта, типы религиозности. В последние годы работа в указанном направлении заметно оживилась. Осуществлена публикация книг, отражающих культурологическую рефлексию важнейших духовных традиций в истории человечества — иудаизма, христианства, ислама, буддизма. Изданы антологии, посвященные российской рецепции христианских конфессий — православия, католицизма, протестантизма. Проведена работа по осмыслению отечественной рефлексии ключевых идеологий Нового времени. Увидели свет пять антологий: «Либерализм: pro et contra», «Национализм: pro et contra», «Социализм: pro et

contra», «Анархизм: pro et contra», «Консерватизм: pro et contra». Опубликованы четыре тома, отображающие оценку феномена русской классики. Первый том охватывает золотой век, второй — серебряный, третий — железный. Четвертый дает представление об отношении к русской классике в мировой культуре. В этом же ряду — книги, посвященные переосмыслению ключевых исторических событий начала XX века: «Революция 1917 года: pro et contra» и «Красное и белое: pro et contra», охватывающая все разнообразие позиций русской эмиграции в оценке Гражданской войны. Идеологическое движение в области межрелигиозных отношений представлено антологией «Экуменизм: pro et contra». Готовятся тома, предлагающие осмысление таких исторических феноменов, как первая волна российской эмиграции XX века, восстание декабристов, российское масонство и русское самодержавие.

За четверть века модель изданий трансформировалась от антологии, включающей классические тексты, к смежному жанру антологии/коллективной монографии, которая содержит тексты современных исследователей, подобранные в стилистике pro et contra, в том числе написанные специально под проект. Это обусловлено повышением уровня современных дискурсов, действующие исследователи вступают в полемику с классиками зачастую на равных. Обозначенные направления работы обычно дополняются созданием расширенных (электронных) версий антологий. Поэтапное структурирование таких информационных ресурсов может привести к формированию гипертекстовой мультимедийной системы «Энциклопедия самосознания русской культуры». Увеличение в составе серии доли книг, посвященных феноменам культуры, способствует достижению этой цели. Очерченная перспектива развития проекта является долгосрочной и требует значительных интеллектуальных усилий и ресурсов. РХГА приглашает к сотрудничеству ученых, полагающих, что данный проект несет в себе как научно-образовательную ценность, так и духовный смысл.

Е. В. Алымова, С. В. Караваева
ARISTOTELES ROSSICUS (II)

Аристотель — это один из тех авторов, влияние которого на развитие образования в России сложно переоценить. На протяжении многих столетий аристотелевская философия была одним из основных источников логического и философского знания, определяя структуру учебных программ как духовных, так и светских учреждений. Особенности восприятия его наследия в России обусловлены несколькими факторами: во-первых, византийско-славянским культурным посредничеством, во-вторых, привнесением схоластической традиции в российскую систему образования, и в-третьих — становлением университетской науки.

Первым учебным заведением, где аристотелевская философия была не просто элементом учебной программы, а своего рода эпистемологическим образцом, «скелетом» философского и риторического образования, была Киево-могилянская коллегия, основанная в 1631 году Петром Могилой. Это первое учебное заведение европейского типа, во многом следующее модели иезуитских школ, основанной на аристотелевской и схоластической традиции. Дошедшие до нас архивные документы XVII–XVIII веков описывают более 180 учебных курсов, которые включали философию, этику, риторику, логику, физику, метафизику, натурфилософию, диалектику. Наибольший интерес представляют, прежде всего, «Subsidium Logicae» (Учебник логики) Иосифа Кононовича-Горбацкого, «Диалектика» и «Логика» Иннокентия Гизеля, «Философия» Иоасафа Кроковского, «Курс состязания перипатетического» Стефана Яворского, «Естественная философия или физика» Иосифа Туробойского, «Философский курс» Стефана Калиновского. Особое внимание уделялось логике и ри-

торике Аристотеля, изучение которых становилось для многих средствами конституирования самой структуры рассуждения.

В конце XVII века важнейшим центром дальнейшего развития аристотелевской традиции становится Москва, где выпускниками коллегии, в частности, Епифанием Славинецким, Симеоном Полоцким, Феофаном Прокоповичем — «западная» модель преподавания привносится в московские школы. В 1648 году была открыта школа при Андреевском монастыре, а в 1649–1650 годах — при Чудовом и Заиконоспасском монастырях в Москве. В школах преподавали грамматику, латинский язык, основы риторики и богословия, и где одним из главных авторитетов оставался по-прежнему Аристотель.

Следующим важным событием становится открытие в 1687 году в Москве Славяно-греко-латинской академии. Это было первое в России учреждение, где предоставлялось многолетнее, ступенчатое образование по модели западных коллегий, и где преподавание велось на греческом и латинском языках. Логика и «Органон» Аристотеля составили основу философского курса, определяя структуру рассуждения и служа пропедевтикой к изучению богословия. Первыми преподавателями Славяно-греко-латинской академии, и фактически ее устроителями, стали братья Лихуды — Иоанникий и Софроний — греческие монахи, которые по приглашению царя Федора Алексеевича и Московского патриарха Иоакима прибыли в Москву. Многочисленное наследие братьев Лихудов — учебники, похвальные и надгробные речи; переписка; сочинения на отдельные политические и философские темы — до сих опубликованы лишь фрагментарно и находятся в рукописных фондах библиотек. Учебники по риторике, грамматике, логике, физике, психологии и богословию, составленные Лихудами для учеников московской академии, во многом, строились на толковании трудов Аристотеля, и подавались все так же через призму иезуитской системы образования. Однако подход братьев Лихудов был сложнее: стремясь согласовать античную философию с православным богословием, они создали своеобразную образовательную модель, в которой строгая рациональная структура Аристотеля соотносилась с догматической традицией восточного христианства. В 1694 году братья были отстранены от преподавания и высланы из Москвы, однако через два года по поручению митрополита Иова они организуют в Новгороде Славяно-греко-латинскую школу («Лихудов корпус») по образцу московской академии, но без преподавания латыни. Во многом, благодаря деятельности братьев Лихудов отношение к Аристотелю в России в конце XVII — начала XVIII веков меняется: из язы-

ческого мудреца, учение которого, как считалось, бесполезно для укрепления веры в спасение души, Стагирит становится великим философом древности, основоположником всех наук.

В XVIII веке философия становится частью светской образовательной программы, а рецепции Аристотеля постепенно становятся частью университетской науки. Московский университет, открытый в 1755 году, включал в свою программу обязательное изучение логики, психологии и метафизики, основанных, с одной стороны, на аристотелевском корпусе, с другой — это основание носило весьма опосредованный характер, являясь, скорее, методологической основой курсов. Одной из главных проблем в изучении Аристотеля было отсутствие его переводов на русский язык. Сделанные Г. А. Полетикой переводы некоторых фрагментов «Политики» и «Риторики», вызывали интерес, но это был интерес, скорее, практического характера. Аристотель, как и вообще античная философия, изучались по переводам кратких историй философии, по преимуществу немецких и французских (Ж.-А. С. Формея, И. Я. Бруккера и др.), подкупающих своей простотой и ясностью, но не дающих возможности осознать сложность и глубину учений античных мыслителей. И хотя Аристотель будет оцениваться как великий мыслитель, «законодатель всех наук», однако в чем состоит глубина его учения — это пособия только заявляли, но не раскрывали.

В XIX веке философия Аристотеля начинает занимать существенное место в курсах по философии и истории философии в Университетах и Духовных Академиях. Этому способствует как освоение обширной немецкой и французской историко-философской литературы, так и появление первых крупных переводов Стагирита. Немаловажными являются также Университетские реформы 1804 и 1863 годов, которые привели к существенному обновлению философских программ и расширению академических свобод. На смену схоластической традиции пришла немецкая философия, ориентированная, скорее, на критическое отношение к Аристотелю, она переосмысливает основные понятия аристотелевской философии, в первую очередь, касающиеся его категориального аппарата. Тем не менее его труды не исчезли из образовательных программ, а перешли в курсы истории философии, формальной логики и этики, сохранив статус классического корпуса, необходимого для понимания развития европейской мысли. Заметим, что в духовных академиях аристотелевская логика продолжала изучаться практически без изменений вплоть до конца XIX века.

В XX веке присутствие философии Аристотеля в советской системе образования претерпело значительные изменения,

когда его наследие оказывается включенным в идеологический контекст марксистско-ленинской философии. Советские исследователи стремились рассматривать античную мысль как предысторию диалектического материализма, а потому трактовали аристотелевские идеи в категориях «борьбы идеализма и материализма». Такая перспектива вела к переоценке одних элементов учения и игнорированию других. Так, логика, теория познания и элементы натурфилософии рассматривались как важные достижения античной рациональности, тогда как метафизика и теология трактовались как ограниченные и преодоленные формы мысли. В этой же логике происходила громкая дискуссия 1947 года по книге Г. Ф. Александрова, в ходе которой обсуждались не только собственно историко-философские вопросы, но и политические основания трактовки античности. Несмотря на идеологические ограничения, советский период стал временем серьезной филологической и переводческой работы: появляются первые систематические переводы «Метафизики», «Категорий», «О душе» и других трактатов; формируются нормы философского языка, позволяющие работать с оригинальными греческими текстами; создается определенная интеллектуальная среда для научного изучения античности. Таким образом, противоречивое взаимодействие идеологии и науки не отменяло значительного продвижения в освоении текстов Стагирита, напротив — становилось парадоксальным стимулом для развития филологической и философской культуры.

История русских переводов Аристотеля представляет собой длительный процесс, в котором на протяжении более чем двух столетий формировалась особая филологическая и философская традиция, определившая развитие научного языка, методы работы с античными текстами и те представления о задачах философского перевода, которые и сегодня остаются предметом обсуждения.

Знакомство русского читателя с Аристотелем было связано с эпохой Просвещения. В 1757 году Г. А. Полетика публикует в журнале «Ежемесячных сочинениях, к пользе и увеселению слушателей» фрагменты из «Риторики» и вторую книгу «Политики». Выбор этих фрагментов был рассчитан на широкую публику и объяснялся задачами времени: переводились прежде всего те части корпуса, которые имели практическую значимость — вопросы государственного устройства, воспитания, нравов. Через несколько десятилетий, в 1819 году, появляется перевод «Поэтики» (25 гл.), выполненный А. Г. Глаголевым, заметим, он также остается неполным.

Во второй половине XIX века с расцветом деятельности университетов, а с ней и академической жизни, появляются первые крупные переводы Аристотеля, снабженные уже научным комментарием и вступительными статьями. Б. И. Ордынский, Н. Е. Скворцов, М. И. Касторский и В. А. Снегирев предлагают русскому образованному читателю переводы «Поэтики», «Категорий», «Политики», «О душе». М. И. Касторский впервые предпринимает попытку перевести «Метафизику», однако довести работу до конца ему не удается. К концу XIX века появляются переводы логических, этических и риторических трактатов — «Первой аналитики» (Н. Н. Ланге), «Никомаховой этики» (Э. Л. Радлов), «Поэтики» (В. Г. Апфельрот), «Риторики» (Платонова). Публикуются многочисленные фрагменты биологических трактатов, извлеченные В. В. Латышевым из корпуса Аристотеля и др. Особое место в истории переводов того времени занимают публикации П. Д. Первова и В. В. Розанова, которые с 1890 года в «Журнале Министерства народного просвещения» печатают перевод «Метафизики» (кн. I–V), снабженные подробными комментариями. Это была одна из первых попыток серьезного филологического анализа, связанного с прояснением научной терминологии. Их интерпретационные решения обладали несомненной смелостью, нередко отступающими от немецкой традиции — доминировавшей в европейском аристотелеведении XIX века. Спустя столетие В. В. Библихин оценит этот перевод как стремление «оживить аристотелевский способ мышления» и и ввести читателя в непосредственно античный способ философствования.

Первая половина XX века становится временем появления первых полных переводов. Потребность в систематическом освоении античного наследия приводит к попыткам более строгих переводов и сопровождающих их научных комментариев, и знаменует собой переход к академической норме: точность, научный аппарат, подробные примечания и комментарии, опирающиеся в первую очередь на немецкую филологическую школу, обращение к античной комментаторской традиции. В это время возобновляются усилия по переводу «Метафизики». А. М. Воден переводит XII книгу для учебных целей (1924), Ф. М. Лосев — XIII–XIV-ю в рамках исследования критики платонизма (1929), а А. В. Кубицкий создает первый академический перевод всего трактата, снабженный подробнейшей вводной статьей, не утратившей актуальность и на сегодняшний день. Продолжаются работы с физическим корпусом: Н. М. Троцкий переводит отдельные фрагменты «Истории животных», Карпов создает первые

полные переводы «Физики» (1936). Появляется полный перевод Попова «О душе» (1937), новый перевод «Поэтики» Н. И. Новосадского (1927).

Важным итогом многолетней работы русских ученых становится издание «Сочинений в четырех томах» в издательстве «Мысль» (1976–1984), подготовленное коллективом Института философии АН СССР. Это издание не было простым переизданием дореволюционных переводов и переводов 20–30 гг. — все они были заново сверены и отредактированы, также в четырехтомник вошел ряд полностью новых переводов, специально подготовленных для этого собрания. Так, впервые публикуется перевод «О небе» (А. В. Лебедев), «Большая этика» (Т. А. Миллер), ряд логических трактатов — «Топика», «О софистических опровержениях» (М. И. Иткин), публикуются новые переводы «Никомаховой этики» (Н. В. Брагинская), «Поэтики» (Гаспаров) и др.

В последующий период переводческая деятельность продолжается, хотя и не достигает прежнего масштаба. Выходит первый полный перевод на русский язык «Евдемовой этики» (2005) (пер. Т. В. Васильевой, Т. А. Миллер, М. А. Солоповой), новые переводы — «Риторики» О. П. Цыбенко (2000), «Поэтики» Позднева (2008), малые сочинения Аристотеля, некоторые в нескольких переводах — «О чувственном восприятии и чувственно воспринимаемом» (2004, 2015), «О памяти и припоминании» (2004) (пер. Е. В. Алымова, пер. С. В. Месяц), «О долготе и краткости жизни» (2016) (пер. М. А. Солоповой), «О движении животных» (2016), «О передвижении животных» (2017) и др. Более того, В российском аристотелеведении возникает идея о необходимости нового, обновленного издания корпуса сочинений Аристотеля. В 2002 году Т. В. Васильева в предисловии к изданию перевода пишет: «На повестке дня отечественного аристотелеведения — новое издание полного собрания сочинений Аристотеля на русском языке. Начатое вслед платоновским собранием в конце 60-х годов прошлого века, в отличие от него, через двадцать лет после выхода трехтомника в четырех книгах все-таки завершено, аристотелевский четырехтомник так и не получил исправленного переиздания, куда были бы включены все существующие на сей день переводы в порядке их расположения в корпусе, с единой беккеровской пагинацией, возможно, и с привлечением новых переводов недостающих до академической полноты издания текстов. Такое издание, разумеется, потребует новой единой редактуры переводов» <...>. Вопрос издания полного собрания сочинений Аристотеля на русском языке продолжает оставаться актуальным. Отметим в связи с этим деятельность Е. В. Орлова

и созданный им электронный ресурс, периодически обновляемый автором, — «Перечень русских переводов сочинений Аристотеля» <...>, в котором представлен список как всех переведенных, так и оставшихся непереуведенными на русский язык текстов аристотелевского корпуса.

Как мы уже говорили ранее, история переводов Аристотеля на русский язык необходимо связана с вопросами языка, методами работы с античными текстами и в целом с представлениями о задачах философского перевода. Проблема, которая будет проходить через всю историю русских переводов — это проблема адекватного перевода Аристотеля на русский язык: насколько возможно передать структуру аристотелевской мысли средствами русского языка, не нарушив ее внутренней логики? Если первые переводы не претендовали на филологическую строгость, а скорее ставили перед собой задачу ввести Аристотеля в интеллектуальную жизнь эпохи Просвещения, то уже в XIX столетии переводчики и комментаторы стремятся решить не только филологическую, но и методологическую задачу, собственно, понять — «как» мыслит Аристотель. По мере накопления переводческого опыта понимание этой задачи усложнялось: к филологическим трудностям добавлялись философские. Как обеспечить точность передачи греческого оригинала и одновременно сохранить понятность для современного читателя. Именно это напряжение — между строгой буквалистикой и стремлением к стилистической ясности — становится одной из центральных линий переводческой традиции. Так, А. Ф. Лосев, считал, что максимально буквальное следование структуре фразы Аристотеля неизбежно требует дополнительных пояснений, именно поэтому он предлагает использовать известный «метод квадратных скобок», позволяющий сохранить смысл, не растворяя его в пересказе, то есть по сути — включение интерпретации в текст перевода. Читатель должен иметь возможность видеть место, где переводчик вынужден прибегнуть к экспликации смысла, не теряя при этом самого текста Аристотеля. Его подход впоследствии вызвал серьезные дискуссии, в частности критику Т. В. Васильевой, которая видела в избыточных вставках угрозу подмены текста авторской интерпретацией, смещения текста и комментария. К этому спору в нашем столетии возвращается Е. В. Орлов. Анализируя проблему, он рассматривает аргументы за и против буквального перевода, признавая его ограниченную применимость, все же отстаивает необходимость буквальных переводов («...стремление придать переводу «литературные достоинства» более подобает переводу тех частей аристотелевских

текстов, которые написаны «нефилософским языком». Ибо «философский язык» употребляется Аристотелем для изъяснения именно «размышлений», которым «слишком блестящее словесное выражение» не подобает») и предлагает использовать «квадратные скобки» как компромиссный прием, позволяющий максимально приблизиться к буквальному следованию оригиналу. Ему оппонирует А. А. Роосиус: «Аристотель — не текст закона; здесь, как и везде, встает вопрос о готовности или неготовности переводчика брать на себя ответственность <...> честный переводчик должен не увиливать от ответственности, а излагать свое видение смысла». Задача переводчика «в его способности хорошо понимать оригинал (в применении к Аристотелю сюда входят в равной степени умение “видеть” греческий текст и умение мыслить “по-аристотелевски”) и в его владении философской речью по-русски».

Заметим, этот спор показателен: он демонстрирует, что перевод Аристотеля в России осознавался и осознается не просто как филологическая, но как философская проблема. Дискуссии о методе перевода неизбежно превращаются в дискуссии о способах понимания и границах интерпретации. За каждым переводческим решением стоит выбор стратегии прочтения, интерпретации и, в конечном счете, превращая историю переводов в живую историю философской мысли.

Итак, третий раздел, представленный в антологии, касается сопоставления философских взглядов Аристотеля и Платона — темы, которая во многом определяла содержание европейской философской традиции и получила своеобразное развитие в России. Сравнение двух величайших мыслителей античности служило средством определения характера самой философии. Противопоставление Платона как идеалиста и Аристотеля как систематического исследователя природы и человеческого общества (особенно это характерно для философской мысли XIX века и советского периода) становилось ключом к пониманию того, что такое философское знание, как оно соотносится с опытом, наукой, теологией и культурой. В русской традиции эта оппозиция приобретала специфическое звучание: она использовалась для определения отношения между религиозным и рациональным началами, между созерцательной и научной ориентациями в образовании, между утопическим построением государства и его эмпирическим описанием, и в конечном счете как способ самоопределения отечественной философии.

Одной из первых оппозиций Платона и Аристотеля в русской традиции становится эстетика и теория искусства — области, где

разрыв между так называемым идеализмом и реализмом наиболее осязаем. Так, у С. П. Шевырева, в классической для XIX века реконструкции античных учений о поэзии, Платон — мыслитель вдохновения, сверхчеловеческой идеи и порыва, Аристотель — мыслитель формы, техники и художественного порядка. С. П. Шевырев подчеркивает, что Платон мыслит искусство как «божественный порыв духовной природы человека», тогда как Аристотель смещает центр в сторону подражания, упорядочения, композиции, рационально устроенного мира художественного образа. Чернышевский, напротив, видит в платоновской эстетике не возвышение искусства, а его уничтожение: *mimesis* как «тень тени», как свидетельство низшей ценности поэтического творчества. Аристотель в его прочтении — спаситель искусства, превращающий подражание из недостатка в метод познания, сродни науке и наблюдению.

С середины XIX века платоновско-аристотелевская оппозиция выходит за рамки эстетики и становится фундаментальным методом философского анализа. Так, у П. Ю. Юркевича Платон и Аристотель представляют две линии европейской метафизики — идеального и действительного — которые затем сойдутся в философии Нового времени. Б. Н. Чичерин переносит эту оппозицию в сферу политической философии. Платон у него — архитектор идеократической государственности, где благо следует из нормативного видения идеального устройства. Аристотель — аналитик реальных политий, создатель первой научной политической типологии. Для Б. Н. Чичерина Платон слишком трансцендентен и статичен, Аристотель — слишком реалистичен, но именно последний важен для современного политико-правового сознания. Различие между двумя философами у Б. Н. Чичерина — это различие идеологии и науки, нормативного и описательного, идеального и исторического.

С. Н. Трубецкой и П. А. Флоренский выводят полемику в пространство религиозно-философской мысли. С. Н. Трубецкой показывает, как критика Аристотелем Платона становится основой нового научного метода, где логика, физика и метафизика образуют единую систему знания, невозможную в рамках платоновского идеализма. А П. А. Флоренский, напротив, подчеркивает внутреннюю преемственность Платона и Аристотеля, видя в противопоставлении их учений лишь внешнее явление. Для него различие заключается не в сути мыслителей, а в двух стилях мышления: диалектическом и аналитическом.

Ключевой поворот наступает в начале XX века, когда оппозиция Платона и Аристотеля перестает быть лишь историко-фило-

софским вопросом, а становится основанием отечественной философской идентичности. А. Ф. Лосев, в своей фундаментальной «Критике платонизма у Аристотеля», показывает, что историко-филолософское противопоставление Платона и Аристотеля основано на ошибочном прочтении Стагиритом платоновской диалектики. Для Лосева Платон — философ абсолютной мысли-мифа, а Аристотель — систематизатор, упростивший и подменивший платоновский идеал формальными категориями. Суть конфликта, по Лосеву, не в реальных расхождениях, а в недостатке понимания, ставшем позднее основой традиции рационалистической критики платонизма. Это одна из глубочайших попыток русской мысли пересмотреть сам принцип противопоставления, раскрывая скрытую диалектику двух начал.

В. В. Зеньковский помещает оппозицию Платона и Аристотеля в поле христианской метафизики. Он считает, что Платон неизбежно ведет к пантеизму, поскольку его идеи — нетварные, вечные, самодовлеющие. Аристотель, растворяя форму в материи, предлагает альтернативу, но она остается неудовлетворительной. Зеньковский пытается преодолеть обе линии, вводя концепцию «софийной твари» — тварного идеального начала, соединяющего платоновскую идею и аристотелевскую форму в христианском учении о мире

У В. В. Биbihина полемика получает совершенно иное измерение: Платон и Аристотель — это не две системы, а две фигуры, указывающие на «глубину философствования», превосходящую любую концептуальную схему. Материя как *hyle* у Аристотеля и *chora* у Платона — не противоположности, а два пути к одному и тому же загадочному «раннему» смыслу мира. Биbihин фактически разрушает оппозицию, включая обоих философов в мыслительный горизонт, где различие между ними говорит не о несогласии, а о множественности путей к истоку смысла

В XX веке платоновско-аристотелевское противопоставление все чаще используется как средство анализа науки и культурной рациональности. Так, П. П. Гайденко показывает, что именно из критики платоновско-пифагорейского идеализма возникает аристотелевская наука: единственное античное учение, допускающее возможность точного знания об изменчивом мире. Для нее Аристотель — создатель континуалистской концепции природы, а Платон — представитель математической онтологии, для которой становление вторично. Их полемика оказывается не спором школ, а источником двух типов рациональности, пересекающихся в истории европейской науки. У А. А. Любищева, напротив, Платон — воплощение плодотворного идеализма,

а Аристотель — выражение ограниченно-служебного, инструментального знания. В его историософии идеалистическая линия (Платон — христианская традиция — немецкая классика) оказывается творческой, а материалистическая (Демокрит) — аналитической, но недостаточной. Аристотель мыслится как философ «третьей линии» — рационально-служебной, методологической, но не творящей мира. Парадоксальность этой позиции раскрывает, насколько разнообразно может преломляться античное наследие в русской научной рефлексии

А. И. Доватур смещает центр внимания: он предлагает новое измерение противопоставления — культурное: Платон и Аристотель представляют два типа интеллектуальной коммуникации, две формы философской культуры. Слова Платона о доме Аристотеля как «доме читателя» приобретают смысл только в рамках античной устной философии: для Платона первична живая беседа, для Аристотеля — текст, логическое изложение, письменность.

Представленные в этом томе материалы, конечно, не исчерпывают всех возможностей продемонстрировать присутствие Аристотеля и его философии в отечественной культуре, начиная с его / ее включения в учебные курсы, продолжая переводами его сочинений на русский язык, а также непрекращающейся и поныне полемики между современными платониками и аристотеликами. Словом, есть еще над чем поработать.

Авторы антологии «Аристотель: pro et contra» выражают свою глубокую признательность всем тем исследователям, чьи труды — исследования, переводы, комментарии — вдохновили их и помогли им сориентироваться в сложной проблематике заданной темы — Аристотель в отечественной традиции.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	5
<i>Е. В. Алымова, С. В. Караваева. Aristoteles Rossicus (II)</i>	7

I

АРИСТОТЕЛЬ В ОБРАЗОВАНИИ

Киево-Могилянская академия XVII–XVIII веков

<i>Я. М. Стратий, В. Д. Литвинов, В. А. Андрушко</i> Описание курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянской академии <Фрагменты>	16
<i>М. В. Кашуба</i> Этика в философских курсах профессоров Киево-Могилянской академии <Фрагменты>	43

Славяно-греко-латинская академия

<i>Иоанникий и Софроний Лихуды</i> Греческая грамматика (Московская редакция 1687 г.) <Фрагменты>	49
<i>Софроний Лихуд</i> Слово на рождество Христово	52
<i>Иоанникий Лихуд</i> Письмо к брату Софронию из Новгорода в Москву <Фрагменты>	55
<i>Иоанникий и Софроний Лихуды</i> Слово на светоносный день восстания Господа нашего Иисуса Христа <Фрагмент>	57
<i>Иоанникий Лихуд</i> Письмо Иоанникия Лихуда, написанное брату Софронию (первая четверть XVIII в.) <Фрагменты>	65

***Аристотель в российском образовании
второй половины XVIII — начала XX века***

<i>Архимандрит Гавриил (Воскресенский)</i>	
Аристотель.	70
<i>П. И. Линицкий</i>	
Об умозрении и отношении умозрительного познания к опыту (теоретическому и практическому) <Фрагменты>	75
О познании <Фрагменты>	83
<i>Ф. Ф. Зелинский</i>	
Педагогические воззрения Платона и Аристотеля <Фрагменты>	86
<i>И. Н. Мочалова</i>	
Путь к Аристотелю: от «Утреннего света» к «Журналу Министерства народного просвещения»	95

***Аристотель в учебниках советского периода
и научных дискуссиях первой половины XX века***

<i>Г. Е. Жураковский</i>	
Педагогическая система Аристотеля <Фрагмент>	109
<i>Г. Ф. Александров</i>	
История западноевропейской философии <Фрагменты>	122
Стенографический отчет о философской дискуссии по книге «История западноевропейской философии» Г. Ф. Александрова <Фрагменты>	138

**II
ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ АРИСТОТЕЛЯ
НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

***Переводы Аристотеля
в отечественной традиции: обзор***

<i>Е. В. Орлов</i>	
О русских переводах Аристотеля	149
<i>О. А. Егорова</i>	
История переводов Аристотеля на русский язык (2-я половина XVIII — 1-я половина XX в.)	162
<i>Е. В. Орлов, О. С. Егорова</i>	
Перечень русских переводов Аристотеля	170

Метафизика

<i>В. В. Бибихин</i>	
К переводу «Метафизики» Аристотеля	
<П. Д. Перова и В. В. Розанова>	191
<i>А. Ф. Лосев</i>	
Критика платонизма у Аристотеля. Перевод и комментарий	
XIII–XIV кн. «Метафизики». Предисловие	205
<i>А. В. Кубицкий</i>	
Предисловие переводчика	211
Что такое «Метафизика» Аристотеля?	217
<i>А. В. Марков</i>	
Предисловие	225
<i>Аристотель</i>	
Метафизика <в переводах и с комментариями П. Д. Перова	
и В. В. Розанова, А. Ф. Лосева, А. В. Кубицкого,	
А. В. Кубицкого в ред. М. И. Иткина, А. В. Маркова,	
В. П. Карпова («Физика» 194b 23—195b 21)>	
<Фрагменты>	229

Органон

<i>М. Н. Касторский</i>	
Категории Аристотеля <Фрагмент>	267
От издательства	
<«Аристотель. Аналитики первая и вторая» (1952) >	273
<i>Аристотель</i>	
Категории <в переводах и с комментариями	
М. И. Касторского, А. В. Кубицкого> <Фрагменты>	279
Первая Аналитика <в переводах и с комментариями	
Н. И. Ланге, Б. А. Фохта> <Фрагменты>	281

Этика

<i>Н. В. Брагинская</i>	
Несколько слов о переводческих принципах	
<Из примечаний к переводу «Никомаховой этики»>	313
<i>Т. В. Васильева</i>	
Предисловие к публикации	
<К переводу «Эвдемовой этики». Кн. III>	320
<i>Аристотель</i>	
Никомахова этика <в переводах и с комментариями	
Э. Л. Радлова, Н. В. Брагинской, М. А. Солоповой	
(«Эвдемова этика». Книга V) > <Фрагменты>	329

Политика

<i>Н. Е. Скворцов</i>	
О «Политике» Аристотеля	371
<i>С. А. Жебелев</i>	
Предисловие <к «Политике» Аристотеля>	385
<i>Н. В. Рейнгардт</i>	
Политика Аристотеля, перевод С. Жебелева	399
<i>Аристотель</i>	
Политика <в переводах и с комментариями Н. Е. Скворцова, С. А. Жебелева> <Фрагменты>	409

Риторика и Поэтика

<i>А. Ю. Нилова</i>	
«Поэтика» Аристотеля в русских переводах	435
Первый русский перевод «Поэтики» Аристотеля	451
<i>М. Л. Гаспаров</i>	
Предисловие к переводам	459
<i>А. С. Ахманов</i>	
О содержании некоторых основных терминов «Поэтики» Аристотеля	462
<i>Аристотель</i>	
Поэтика <в переводах и с комментариями В. И. Захарова, В. Г. Аппельрота, Н. И. Новосадского, М. Л. Гаспарова, М. М. Позднева> <Фрагменты>	466
Риторика <в переводах и с комментариями Н. Н. Платоновой, С. С. Аверинцева, О. П. Цыбенко> <Фрагменты>	468
<i>В. И. Захаров</i>	
«Поэтика» Аристотеля	491
<i>В. Г. Аппельрот</i>	
Аристотель об искусстве поэзии	501
<i>Н. И. Новосадский</i>	
Аристотель о поэзии	508

III**ПЛАТОН И АРИСТОТЕЛЬ:
ДИАЛОГ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ**

<i>С. П. Шевырев</i>	
Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов <Фрагмент>	516

<i>Н. Г. Чернышевский</i> О поэзии. Сочинение Аристотеля	532
<i>П. Д. Юркевич</i> Идея <Фрагмент>	545
<i>Б. Н. Чичерин</i> История политических учений <Фрагмент>	552
<i>А. П. Шостьин</i> Нравственно-воспитательное значение музыки, по воззрениям Платона и Аристотеля	568
<i>В. В. Розанов</i> О гениях	575
<i>С. Н. Трубецкой</i> Курс истории древней истории <Фрагмент>	584
<i>П. А. Флоренский</i> Из истории античной философии <Фрагмент>	593
<i>С. В. Толстая-Меликова</i> Учение о подражании и об иллюзии в греческой теории искусства до Аристотеля	604
<i>А. Ф. Лосев</i> Критика платонизма у Аристотеля <Фрагмент>	609
<i>В. В. Зеньковский</i> Преодоление платонизма и проблема софийной твари	616
<i>А. А. Любищев</i> Линии Демокрита и Платона в истории культуры	623
<i>А. И. Доватур</i> Платон об Аристотеле	631
<i>П. П. Гайденко</i> Эволюция понятия науки <Фрагмент>	645
<i>А. Л. Доброхотов</i> Категория бытия в классической западноевропейской философии <Фрагмент>	655
<i>В. В. Библихин</i> Лес <Фрагмент>	664
<i>И. А. Протопопова</i> Душа, ум и пространство: как Аристотель (не) понимает Платона (De anim. 406b — 407b)	670
Комментарии	678

Научное издание

**АРИСТОТЕЛЬ:
PRO ET CONTRA**

Антология
Т. 2

Составители:

*Елена Валентиновна Алымова,
Светлана Викторовна Караваева,
Выскубов Станислав Павлович,
Арсений Дмитриевич Махнов*

Директор издательства *А. А. Галат*
Заведующий редакцией *В. Н. Подгорбунских*
Корректор *С. А. Авдеев*
Верстка *О. М. Кукушкиной*

Подписано в печать 27.11.2025. Формат 60×90 1/16
Бум. офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 45,00. Тираж 200 экз.
Зак. № 1238

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
Издательство Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского
Тел.: (812) 310-79-29; факс: (812) 571-30-75
E-mail: editor@rhga.ru. URL: <http://www.rhga.ru>

Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134